

ДЖАРЕД ДАЙМОНД

ДЖЕЙМС РОБИНСОН

ДЖАРЕД ДАЙМОНД

ДЖЕЙМС РОБИНСОН

Естественные
эксперименты
в истории

Издательство АСТ
Москва

УДК 008
ББК 71.05
Е86

Ed. by Jared Diamond & James A. Robinson
NATURAL EXPERIMENTS OF HISTORY

Перевод с английского Алины Курышевой

Публикуется с разрешения издательства Harvard University Press
(США) при содействии Агентства Александра Корженевского
(Россия).

Е86 **Естественные** эксперименты истории [сборник :
перевод с английского Алины Курышевой] / под ред.
Джареда Даймонда и Джеймса Робинсона. — Москва:
Издательство АСТ, 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-17-098213-4

Самое интересное в современной науке происходит на стыке дисциплин, в плодородных областях, возникших на месте жестких, косных границ, еще недавно разделявших гуманитарное и естественное знание. Сборник «Естественные эксперименты истории» под редакцией известнейшего биолога, антрополога и культуролога Джареда Даймонда («Ружья, микробы и сталь», «Коллапс», «Мир позавчера») и экономиста Джеймса Робинсона («Почему одни страны богатые, а другие бедные») — отличная иллюстрация этого процесса.

Авторы сборника эссе — историки, культурологи, экономисты, — позаимствовав инструменты у математиков и статистиков, под совершенно новым углом рассматривают исторические события разных эпох и регионов. Почему между островами Тихого океана, заселенными одним и тем же народом — древними полинезийцами, — со временем возникли столь мощные культурные различия? Как статистически измерить последствия многовековой работорговли для различных африканских государств? Что общего у взрывного роста американского фронта и бурного развития русской Сибири в конце XIX — начале XX столетий? Вот лишь некоторые вопросы, на которые пытаются ответить авторы этой необычной книги.

УДК 008
ББК 71.05

© 2010 by President and Fellows of Harvard College
© Перевод. А. Курышева, 2017
© Издание на русском языке. AST Publishers, 2018

Содержание

Пролог

Джаред Даймонд и Джеймс А. Робинсон 7

1. Контролируемое сравнение и полинезийская
культурная эволюция
Патрик В. Керч. 24

2. Расцветающий фронтир: бум и крах в истории
поселенческих сообществ XIX века
Джеймс Белич. 71

3. Политика, банки и экономическое развитие:
о чем говорят особенности финансовых систем
Нового Света
Стивен Хейбер 118

4. Внутриостровные и межостровные сравнения
Джаред Даймонд 158

5. Оковы прошлого: истоки и последствия
африканской работорговли
Нейтан Нанн. 187

6. Землепользование колониального периода, электоральная
конкуренция и общественные блага в Индии
Абхиджит Банерджи и Лакшми Айер 240

ЕСТЕСТВЕННЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ В ИСТОРИИ

7. От «старого порядка» к капитализму: распространение
Великой французской революции как естественный эксперимент
*Дарон Аджемоглу, Давиде Кантони, Саймон Джонсон
и Джеймс А. Робинсон 284*
- Эпилог. Использование методов сравнительного анализа
в изучении всемирной истории
Джаред Даймонд и Джеймс А. Робинсон 328

Пролог

Джаред Даймонд и Джеймс А. Робинсон

Контролируемый и повторяемый лабораторный эксперимент, в ходе которого экспериментатор непосредственно управляет переменными, часто называют определяющей особенностью научного метода. Это, в сущности, единственная техника, используемая в лабораторных физических исследованиях и в молекулярной биологии. Без сомнения, такой подход не имеет себе равных в том, что касается точности установления цепи причин и следствий. Но этот факт вводит лабораторных исследователей в заблуждение, провоцируя их с пренебрежением относиться к тем областям науки, где использование подобных методов невозможно.

Однако жестокая правда заключается в том, что управляемые эксперименты невозможны во многих сферах деятельности, которые общепризнанно являются науками. Это касается любой науки, занимающейся событиями прошлого, например эволюционной биологии, палеонтологии, эпидемиологии, исторической геологии и астрономии; прошлым управлять невозможно¹. Кроме того, при изучении птичьих сообществ, динозавров, эпидемий оспы, ледников или иных планет многие управляемые эксперименты, которые теоретически возможно было бы провести сегодня, тут же будут заклеены как аморальные и незаконные; нельзя же, в самом деле, убивать птиц или растапливать

ледники. Поэтому приходится разрабатывать иные способы «заниматься наукой», а именно наблюдать, описывать и объяснять мир вокруг нас, а затем располагать отдельные объяснения в рамках более широкой общей картины.

В подобных ретроспективных дисциплинах часто оказывается полезным так называемый метод естественного эксперимента (*natural experiment*), он же сравнительный метод (*comparative method*). Этот подход заключается в сравнении — предпочтительно количественном и подкрепленном статистическим анализом — различных систем, схожих во многих отношениях, но различающихся как раз по тем параметрам, влияние которых мы и хотим изучить. Например, для изучения того, какое экологическое воздействие красногрудый дятел-сосун (*sphyrapicus ruber*) оказывает на родственный вид — соснового дятла-сосуна (*sphyrapicus thyroideus*), — можно сравнить горы, на которых водятся оба вида, с теми, на которых второй вид водится, а первый — нет.

Эпидемиология как наука фактически вся построена на анализе подобных естественных экспериментов в человеческих популяциях. Например, мы выяснили, какие группы крови у человека обеспечивают резистентность к оспе, не с помощью управляемых экспериментов (например, участникам эксперимента с разными группами крови делали бы инъекции либо вируса оспы, либо контрольного раствора), а в результате наблюдений над носителями разных групп крови во время одной из последних эпидемий оспы, случившейся в Индии несколько десятилетий назад. Врачи, оказавшиеся в отдаленной деревне в момент начала эпидемии, определили группы крови у жителей и затем отследили, кто заболел или умер, а кто остался здоров².

Конечно, естественный эксперимент имеет немало очевидных недостатков. Например, есть риск, что результат будет зависеть от неких дополнительных факторов, которые «экспериментатор» не позаботился принять во внимание; возможно также, что по-настоящему важными окажутся какие-то другие факто-

ры, которые просто коррелируют с рассматриваемыми, а не сами эти последние. Подобные трудности вполне реальны — но не менее сложны и проблемы, которыми сопровождается проведение управляемого лабораторного эксперимента или нарративных исследований, не использующих сравнительный анализ. Существует огромное количество работ, посвященных тому, как избежать подобных ловушек³.

Рассмотрим, например, вопрос, который в настоящее время вызывает немалый практический интерес: способно ли курение вызвать рак? Можно написать трогательное, подробное, всеобъемлющее жизнеописание некоего конкретного курильщика, который действительно умер от рака, но это не докажет, что курение является причиной рака вообще или хотя бы в данном случае. Есть курильщики, которые не заболели раком, и есть некурящие, которые заболели. Всем нам уже известно, что существует еще много других факторов риска, помимо курения. Поэтому эпидемиологи постоянно собирают данные о тысячах или даже миллионах людей, обрабатывают их, отмечая не только фактор курения, но также особенности питания и многое другое, а затем проводят статистический анализ. Такие исследования приводят к ожидаемым и в настоящее время общепринятым выводам. Да, курение в значительной степени связано с некоторыми (но не со всеми) формами рака, однако с помощью статистического анализа можно также выявить множество других причин. Среди них: потребление жиров, клетчатки, антиоксидантов, воздействие солнечного излучения, отдельные загрязняющие вещества, определенные химикаты в пище и воде, многочисленные гормоны и сотни различных генов. Следовательно, ни один эпидемиолог даже не подумает, что можно выявить *одну-единственную* причину рака, просто рассказав историю конкретного пациента; однако путем сравнения и статистического анализа множества случаев можно достоверно определить множество причин рака. Аналогичные выводы и аналогичные сложности, с которыми еще предстоит разобраться,

присущи и историческим явлениям, которые всегда имеют сразу несколько причин.

Размышляя об этом, можно прийти к выводу, что сравнения, количественные методы и статистика играют неоспоримую роль «золотой середины» в изучении истории. Историки постоянно делают заявления о том, что нечто «изменилось (увеличилось или уменьшилось) с течением времени», «это случалось чаще, чем то», «этот человек сыграл более (или менее) важную роль, чем тот, или вел себя иначе, чем тот». Однако сделать подобное заявление, не подкрепив его цифрами и не выполнив соответствующего статистического анализа, — значит претендовать на выводы из сравнения, которого вы в действительности не делали. Уже в 1979 году историк Лоуренс Стоун напоминал об этом, говоря о важности числового выражения данных:

Историкам уже не отделаться словами «более», «менее», «растет», «снижается», которые логически предполагают количественное сравнение; теперь им необходимо предоставить четкое статистическое обоснование своих утверждений. Требование количественных показателей сделало аргументы, основанные исключительно на примерах, несколько сомнительными. Критики теперь требуют статистических доказательств того, что данный пример типичен, а не является исключением из правил⁴.

В действительности же разнообразные общественные науки, изучающие человеческие сообщества, используют метод естественного эксперимента довольно бессистемно. Он широко применяется в археологии, антропологии, культурной психологии, экономике, экономической истории, политологии и социологии, а вот в истории повседневности (за исключением ее экономической части) его применяют лишь от случая к случаю. Некоторые историки ограничиваются призывами к более частому использованию метода естественного эксперимента; иные

заявляют, что и так уже активно его используют; третьи и в самом деле используют, хоть иногда и неосознанно или не в полной мере пользуясь методологическими преимуществами, которые способен подарить этот подход⁵. Но многие историки не используют естественные эксперименты вовсе и даже смотрят на них скептически или враждебно — особенно на систематические сравнения с привлечением количественных данных, которые можно подвергнуть статистическому анализу.

У этого скептицизма множество причин. Одна из них заключается в том, что историческую науку в разных традициях относят то к гуманитарным дисциплинам, то к естественным. В одном крупном американском университете, например, историки-бакалавры находятся в ведении декана факультета гуманитарных наук, а магистры — общественных. Многие из тех, кто решает учиться на историка, а не на экономиста или политолога, выбирают эту профессию именно потому, что не хотят зубрить математику и статистику. Историки часто посвящают свою карьеру изучению какой-то одной страны или географической области или одной конкретной эпохи. Так как для всестороннего изучения определенного региона и периода требуются определенные знания и опыт, студенты начинают сомневаться в том, что историк, который не посвятил всю свою жизнь их приобретению, способен со знанием дела писать об этих регионе и периоде или что они сами могут компетентно сравнить «свою» область с другими. Длительное обучение, которое проходят историки, накрепко вбивает в них общепринятые представления о том, что включает, а что не включает в себя история, а также о том, какие методы являются и не являются наиболее подходящими для ее изучения. Многие американские ученые отреагировали на дискуссию, начатую одной из школ количественной истории, известной как клиометрия, тем, что стали еще меньше пользоваться количественными методами, словно бы решив, что слабые места данного подхода, отмеченные его критиками, можно распространить на весь количественный анализ в принципе⁶.

Историки часто считают, что человеческая история в корне отличается от истории рака, шимпанзе или ледников, на том основании, что она гораздо более сложна и включает в себя мотивы множества отдельных людей, которые будто бы невозможно измерить или выразить в цифрах. Однако рак, шимпанзе и ледники тоже очень сложны, и их изучение чревато еще большими затруднениями, поскольку они не оставляют никаких письменных свидетельств, которые могли бы рассказать об их мотивах. К тому же многие ученые, такие как психологи, экономисты, исследователи государственного устройства и некоторые биографы, теперь имеют возможность оценивать и разбирать мотивы отдельных людей с помощью ретроспективного анализа письменных источников, оставленных уже ушедшими участниками событий, а также бесед с еще живущими свидетелями.

В этой книге мы стараемся продемонстрировать использование сравнительного метода при изучении истории и рассмотреть несколько способов компенсации его очевидных недостатков, предоставив вашему вниманию восемь исследований, изложенных в семи эссе (эссе № 4 содержит сразу два исследования). Наша целевая аудитория — это не только те историки, кому сравнительный метод по душе (или, по крайней мере, не абсолютно противен), но также более широкий круг специалистов в сфере родственных общественных наук, которые этот метод уже активно используют. Однако мы пишем не только для состоявшихся ученых, но и для студентов. Мы не выставаем себя знатоками статистики или количественного анализа. Восемь статей (две из них написаны в соавторстве) принадлежат перу одиннадцати авторов, двое из которых — историки традиционной закалки, выпускники исторических факультетов, в то время как другие занимаются археологией, наукой о бизнесе, экономикой, экономической историей, географией и политологией. Исследования сформированы таким образом, чтобы покрывать

определенный спектр подходов к сравнительной истории по четырем параметрам.

Во-первых, подходы варьируются от неколичественного нарратива, традиционного для историков (в первых главах), до количественных исследований с использованием статистического анализа, привычного для общественных наук за стенами исторических факультетов (в последующих главах).

Во-вторых, наши сравнения варьируются от простого бинарного анализа (Гаити и Доминиканская Республика, находящиеся бок о бок друг с другом на острове Гаити) до трехмерного (в двух главах), далее — к сравнительному анализу нескольких десятков германских территорий и, наконец, к сравнению 81 тихоокеанского острова и 233 регионов Индии.

В-третьих, общества, которые мы изучаем, включают в себя и современные общества, и письменные общества последних нескольких столетий, оставившие нам богатый архив свидетельств, и дописьменные цивилизации прошлого, по которым у нас есть только археологические источники.

Наконец, наш географический охват будет интересен историкам, изучающим самые разные уголки мира. Наши исследования охватывают Соединенные Штаты, Мексику и один из островов Карибского моря; Бразилию, Аргентину и Западную Европу; тропическую Африку, Индию и Сибирь; а также Австралию, Новую Зеландию и другие острова Тихого океана.

Таким образом, традиционным историкам покажется привычным подход первых четырех исследований в нашей книге, поскольку изложение в них нарративное, сравнивается небольшое число обществ (три, семь, три и два соответственно), а в тексте нет статистического анализа количественных данных. Подход остальных четырех исследований отличается от того, к чему привыкло большинство традиционных историков, но он все же будет знаком некоторым исследователям в этой и смежных общественных науках, поскольку эти авторы недвусмысленно опираются на статистическое сравнение количественных

данных и сравнивают большое количество объектов (81, 52, 233 и 29 соответственно).

В первом эссе Патрик Керч пытается разобраться в том, почему на десятках островов Тихого океана, освоенных одним и тем же народом-прародителем — древними полинезийцами, — история пошла настолько разными путями. Керч сосредоточивает свое внимание на двух архипелагах и одном острове, иллюстрирующих весь диапазон сложностей политической и экономической жизни Полинезии: это небольшой остров Мангаиа, который развивался как мелкое вождество; среднего размера Маркизский архипелаг, на котором со временем утвердились несколько независимых враждующих вождеств; и Гавайи — крупнейший полинезийский архипелаг, не считая Новой Зеландии, место жительства нескольких крупных конкурирующих социальных образований, которые можно охарактеризовать как зарождающиеся «архаические государства»; каждое из них занимает один или несколько островов. Поскольку все эти полинезийские сообщества не имели письменности, Керч в своей работе опирался на лингвистические, археологические и этнографические свидетельства, а не на письменные архивные источники, которыми обычно пользуются историки. Поэтому его исследование часто относят к области археологии, а не истории, хотя занимающие его вопросы ближе как раз традиционным историкам. Керч отмечает, что сходство культурных черт у разных сообществ может быть результатом параллельного сохранения одного и того же унаследованного признака (так называемые общие гомологии), независимого развития (так называемые аналогии) или заимствования. В соответствии с этим он предлагает методологически строгий подход к сравнению, который называет филогенетической моделью, и использует для реконструкции особенностей обществ и культур прошлого сразу несколько цепочек доказательств («триангулярный» подход).

Работа Джеймса Белича (эссе 2) — это еще один вклад в и так уже обширную литературу о жителях различных фрон-

тиров — таких, например, как американский Запад. Белич сравнивает семь подобных обществ XIX века: в Соединенных Штатах, на Британском Западе (Канада, Австралия, Новая Зеландия и Южная Африка), в Аргентине и в Сибири. Эти общества различались по многим очевидным параметрам — например, по числу иммигрантов, впоследствии вернувшихся на родину; по десятилетию, на которое приходился максимальный экономический рост (и, следовательно, по тому, какой этап промышленной революции преобладал на данной территории); и особенно они различались тем, что пять обществ были англоязычными, одно (Аргентина) — испаноязычным (хотя и принимало итальянских иммигрантов даже больше, чем испанских), и еще одно (Сибирь) — русскоязычным. Несмотря на эту разницу «экспериментальных условий», Белич приходит к поразительному выводу о том, что все эти фронтиры неоднократно проходили через схожие циклы, состоящие из трех этапов: взрывной рост населения, сопровождающийся импортом товаров и капитала; затем драматический упадок, когда темпы роста сокращались в разы, а фермы и предприятия массово разорялись; и, наконец, «спасение экспортом» (*export rescue*), в результате которого возникала новая экономика, основанная на массовом экспорте основных местных сырьевых продуктов в далекую метрополию. В общей сложности Белич зафиксировал в семи сообществах 26 таких циклов. Их повторение свидетельствует о том, что глубинные общие черты популяционной и экономической динамики всех этих территорий перевешивают влияние различий (разная степень укорененности иммигрантов, разные периоды роста и степени индустриализированности, разные метрополии). В целом полученная Беличем картина показывает, что при сравнении необходимо обращать внимание не только на различия, но и на сходные результаты, на «конвергентную эволюцию», если заимствовать термин из эволюционной биологии.

Стивен Хейбер (глава 3) сравнивает Соединенные Штаты, Мексику и Бразилию XIX века, изучая истоки формирования их